

О Т З Ы В

на диссертацию иеромонаха Кирилла (Зинковского) «Учение о материи в сакраментально-антропологическом аспекте в трудах богословов Александрийской школы, Великих Каппадокийцев и преп. Максима Исповедника», представленную на соискание ученой степени доктора богословия

Диссертация иеромонаха Кирилла состоит из 610 страниц текста, введения, 5-ти глав, разделенных на параграфы и подпункты, заключения, основных выводов и списка литературы (826 позиций).

Во введении (стр. 8-20) автор подчеркивает новизну и важность темы о материи и человеческом теле и излагает кратко разницу античного понимания материи и человеческого тела и новозаветного благовещения о материи и человеческой плоти, утверждая, что на учение **С**вятых **В**тцов Церкви о материи не было до сих пор обращено достаточного внимания. И это автор констатирует весьма точно. Затем здесь подчеркивается актуальность темы и ее научная новизна, указываются цели исследования, рассмотрены вкратце существующие работы по выбранной тематике. В конце введения представлены основные положения, выносимые на защиту. Очень точно и уместно слово автора о том, что в каппадокийском богословском синтезе раскрывается христоцентричная антропология и учение об обожении цельной материально-духовной природы человека.

В 1-й главе (стр. 21-66) автор рассматривает взгляды античных философов о материи и теле человека, а именно Платона, Аристотеля, стоиков, среднего платонизма, Филона, неоплатоников. В конце дается обобщенное заключение о том, что во всех школах эллинской философии существовало представление о вечности и нетленности космоса как целого, но отнюдь не тела человека и тем более человеческой плоти. Дальше автор излагает свою позицию, что у всех этих философов такое понимание значения материи и тела очень тесно связано с их неспособностью познать Бога как Личность, Которая свободным творческим актом призывает из небытия в бытие все материальное создание (космос).

2-я глава (стр. 67-101) называется «Священное Писание и первое поколение христиан». Здесь кандидат кратко излагает и анализирует основные релевантные термины Священного Писания и **А**постольских учеников. В результате анализа даются выводы о том, что в писаниях ранних

Отцов ^{Церкви} мы находим верность принципам теоцентричности и антропоцентричности Библии; что в Библии и учении ранних Отцов есть основание для утверждения реальности материи и тела человеческого, которые предназначены для обожения, благодаря воплощению Христа, которое есть фундамент свято-таинственного соединения человека с Богом в Церкви через евхаристическое общение в теле и крови Христа Богочеловека (о чем особенно ясно высказывались **Св. Апостол Павел** и **Свщмч. Игнатий Антиохийский**).

В качестве замечаний к тексту 2-ой главы следует отметить, что здесь, по-нашему мнению, недостаточно акцентируется внимание на экклезиологическом контексте богословия Апостолов Павла, Иоанна и **Свт. Игнатия**, потому что Церковь как тело воплощенного Христа есть самое конкретное подтверждение безусловной онтологической и эсхатологической ценности и благодатного бессмертия материи и тела.

Глава 3-я (стр. 102-220). Здесь автор излагает понимание материи и человеческого тела в александрийской школе до-никейского периода (конкретно у апологетов Афинагора, Климента и Оригена). Нужно заметить, что в этой главе, как и в предыдущих, автор, кроме самостоятельного изучения источников и их оценки, все время цитирует труды других ученых, местами соглашаясь, а иногда дополняя точность их заключений. Здесь кандидат выступает как оригинальный исследователь, который также иногда критически переоценивает и исправляет некоторых предыдущих ученых. Это особенно важно в разделе об Оригене, где наш кандидат иногда соглашается с мнением известных апологетов Оригена (например Крузеля и Цветковича), но в тоже время точно констатирует заблуждения александрийского дидакала. Я бы здесь только отметил, что необходимо помнить, что **Святой царь Юстиниан** и **Отцы V Собора**, как раньше **Свт. Мефодий Олимпийский**, очень хорошо знали оригинальные труды Оригена, а не только (как принято говорить сегодня среди богословов) будто бы изучали тексты поздних оригенистов. Автор ссылается на точное суждение об Оригене Вл. Лосского и Сидорова, но можно бы тут было добавить еще цитирование самых точных оценок эллинских заблуждений Оригена, которые находятся в Максимовой 42-й апории.

Кандидат очень точно делает заключение, что в святоотеческой письменности не утвердилось никакого особого предпочтения формуле «ἐξ οὗκ ὄντων» по сравнению с «ἐκ μὴ ὄντων». Мы не находим у **Святых Отцов**

какого-либо основания для введения понятия «меоническая материя» (концепция, появившаяся в сочинениях прот. С. Булгакова и некоторых других современных богословов).

Глава 4-я посвящена пониманию материи и тела у **Свв.** Афанасия, Василия, двух Григориев и **Свт.** Кирилла. Эта глава самая обширная (стр.221-449) и здесь, по-нашему мнению, наиболее проявляется компетентность и научность автора диссертации. Автор справедливо подчеркивает мысль **Г.** Флоровского, что **Св.** Афанасий в своем богословском исповедании исходит из созерцания исторического лика Христа Богочеловека и Спасителя. Благодаря такому подходу **Св.** Афанасий, говорит автор, вернул александрийское богословие на почву библейской позитивной оценки предназначения материи и плоти человека. Поэтому, пишет автор, **Свт.** Афанасий безусловно должен быть признан богословом обновления и воссоздания всего материального мира, и особенно человека в цельности его природы, ибо у Афанасия учение об обожении стало одним из важнейших его вкладов в православное богословие. У Афанасия Боговоплощение – сущность христианской веры, и именно Афанасию принадлежит заслуга предельно четкой формулировки связи догмата воплощения и обожения всего человека и воскресения плоти (сс.217, 225). Афанасий – богослов единосущия, но в то же самое время он – богослов воплощения.

На стр. 234 кандидат точно подчеркивает учение **Св.** Афанасия о том, что плоть воплощенного Слова «прежде иных спаслась и освободилась» и этим подчеркивает реалистическую равнозначность исторического и евхаристического тела Христа в богословской системе Святителя. По-нашему мнению, можно бы было и здесь немного больше подчеркнуть экклезиологическое значение этой позиции **Святого** Афанасия, потому что во 2-м *Слове против ариан* Святитель учит как о том, что «мы становимся сотелесники Иисусовы» (ὡς σύσσωμοι συναρμολογούμενοι καὶ συνδεθέντες ἐν αὐτῷ, п.74, PG 26, 305A) (причем не только с Ним, но и между собой), так и том, (цитируя **Апостола** Павла), что Христос есть «Глава Тела Церкви; Он - начаток, первенец из мертвых, дабы иметь Ему во всем первенство» (Кол 1:18; αὐτός ἐστιν ἡ κεφαλὴ τοῦ σώματος τῆς ἐκκλησίας, ὃς ἐστιν ἀρχή, πρῶτότοκος ἐκ τῶν νεκρῶν, ἵνα γένηται ἐν πᾶσιν αὐτὸς πρωτεύων, п.65, PG 26, 285C). Правда, автор говорит об этом немного дальше (стр. 259), но и тут можно было больше развить это очень важное экклезиологическую мысль **Апостола** и Афанасия. Не понятно также, почему здесь автор говорит о

Церкви как духовном теле Христа. Помня о контексте реалистического, а несимволического характера евхаристического богословия, как Афанасия, так и Апостола Павла, мы считаем, что оно имеет конкретную экклезиологическую ~~де~~ димензию измерения (например, 1 Кор 10,16-17).

Дальше при изложении богословия Свв. Василия, Григория Богослова и Григория Нисского хочется положительно отметить глубину и качество проведенного автором исследования и сделанных им выводов, научную новизну детального анализа их терминологии.

В параграфе, где рассматривается учение Кирилла Александрийского, очень важны выводы автора о влиянии Святителя на литургические тексты Церкви (между прочим, Кириллу приписывается сегодня важная Молитва херувимской песни, о которой автор не делает упоминания). Не менее важно, однако, в контексте изучаемой автором темы, наблюдение об авторстве впервые отчеканенной Свт. Кириллом формулировки ζωολοῖς ἡ σὰρξ – «животворящая плоть» и происходящей от нее литургической формуле ἡ σὰρξ ἡ ζωολοῖς (так называемые «александрийские литургии» Свт. Григория и Василия: PG 36.729D; PG 31.1652A). Автор также раскрывает оригинальное учение Святителя о тождестве животворящих свойств плоти Христа и в Воплощении, и в главном таинстве Церкви – Евхаристии. Автору принадлежит также заслуга выявления еще одной вычеканенной Святителем богословской формулировки, а именно: «домостроительство через вочеловечивание» (διὰ τὴν τῆς ἐνανθρωπήσεως οἰκονομία).⁹

Здесь можно бы было еще подчеркнуть глубокое и по-своему единственное у Свт. Кирилла на фоне всей патристической литературы толкование таинства Церкви как единства верных в единственном троично-христологическо-пневматологическом характере Церкви (в толковании на Евангелие от Иоанна).

Глава 5-я излагает представление о материи и теле у Ареопагита и Св. Максима. Очень уместно и точно автор делает заключение о богословии ареопагитского Корпуса. Христоцентричность богословия Корпуса делает его систему качественно отличной от неоплатонической философской традиции. Исследование Ареопагитик в выбранном автором аспекте до сих пор никем системно не производилось. В качестве расширения релевантной литературы я бы советовал здесь автору ознакомиться книгой А. Ф. Лосева «Эстетика Возрождения». Учению о материи у Св. Максима Исповедника

кандидат посвящает 70 страниц (471-541 стр.), и тут мы имеем очень мало примечаний. Весьма детально кандидат рассматривает общее богословие **Св.**Максима и подчеркивает христоцентричность его богословия, указывая на центральное выражение Максима «великое таинство вочеловечения» (τὸ μέγα μυστήριον τῆς ἐνανθρωπήσεως). Это выражение Максима есть развитие сотериологии **Апостола** Павла, а также прямое повторение высказываний **Святителей** Григория Нисского (*Oratio catechetica* 26) и Василия Великого (*De spiritu sancto* 24). В 60-м ответе Фалассию **Преп.** Максим говорит об отождествлении Христа и «таинства Христа», подразумевая под последним Боговоплощение.

Автор уделил значительное внимание Максимову учению о плоти Спасителя. Здесь впервые выявлена особая связь его с учением **Свт.** Кирилла Александрийского о животворящей плоти Христа, особенно подчеркнуты такие выражения Преподобного по отношению к плоти Спасителя, как «таинство спасения», «великое таинство сверхприродной физиологии Иисуса», а также учение о значении тела Христа как «начатка» обновленного человечества. Надо также похвалить кандидата за то, что не в пример некоторым авторитетным авторам, которые говорят о недостаточной ясности учения Максима о Евхаристии, он указывает на Мистагогию – одно из самых глубоких творений Максима и на толкование молитвы «Отче наш». Детальный анализ евхаристических текстов этих произведений подтверждает верность Максима евхаристическому реализму предыдущих **Отцов** Церкви.

В общем заключении (стр. 542-549) автор констатирует существенные отличия в богословии материи александрийских богословов от концепций античной философии. У **Отцов** Церкви, как подчеркивает автор, материя – творение личного Бога, создание свободной воли Творца, именно воли, а не сущности (это не эманация). И тут верно отмечена заслуга **Свт.** Афанасия в разделении концепций природы Бога и Его воли. Позднее это умозрение особенно развивал **Свт.** Григорий Богослов. Творение свободного Бога – это создание из абсолютного полного небытия. Автор также очень точно подчеркивает превосходство в богословии **Отцов** Церкви (кроме Оригена) платонического дуализма материи и духа и фундаментальное различие в Боге Живом Его свободной воли и Его природы (заслуга этого различения, четко проведенного **Свт.** Афанасием, отмечалась ранее в прекрасной статье прот.**Г.**Флоровского). Вслед за этим кандидатом утверждается святоотеческое понимание устойчивости тварного бытия в благой воле Творца и учение об

антропоцентричности замысла и промысла Божия о материальном мире. Эти оба положения коренятся в Божественной любви, реально проявленной в воплощении Сына, Который, будучи Единородным Отцу, стал Первородным между многой братией (Рим 8 гл.). Вся тайна в этом, что Бог основал Свою любовь к нам на любви к Сыну. Об этом говорит и 4-я песнь пророка Аввакума «положил еси твердое основание крепости Твоей любовью», или у Иеремии «вечною любовию Я возлюбил тебя» (Иер 31:3).

Богословие материи и тела александрийцев, каппадокийцев, Ареопагита и Максима, таким образом, по сути дела есть раскрытие Божественного Откровения, засвидетельствованного в Библии и проявленного как Евангелие/Благовещение Христа Богочеловека (у Св. Максима Христос и есть само Евангелие). Богословие материи раскрывает все Домостроительство спасения, вечной жизни и обожения, которое состоялось в усыновлении людей Богу Отцу в Сыне Его Единородном благодатию Святого Духа. А это, по слову Преп. Иустина Нового, означает Вохристовление и Охристовление, Воцерковление и Оцерковление человека и всего творения материального и духовного. Это значит также теснейшее соединение твари и человека с Богом живым и истинным, в Троице явленном, без слияния и исчезновения богозданного творения и богообразного человека (по аналогии с Халкидонским догматом).

Автор-кандидат, владеющий греческим и европейскими языками, внимательно прочитал и использовал очень многочисленную релевантную литературу: научные статьи, книги, энциклопедии, словари. Но особенно важно, что автор активно использовал в своем исследовании живые оригинальные слова святоотеческих текстов. Правда, в библиографии доминирует у автора русская и западная литература, и только частично использована богатая новогреческая, и еще меньше сербская литература.

Нахожу, что диссертация отца иеромонаха Кирилла (Зинковского) является самостоятельным и оригинальным, глубоким научным исследованием, а ее автор заслуживает присвоения степени доктора богословия.

Доктор богословия, заслуженный профессор

епископ Афанасий (Евтич)

+ Еп. Афанасий (Евтич)

19/27. сентября 2014.

Петроград